

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

БУДЬ МОИМ

18+

МАРИЯ ЛЕТОВА МАРИЯ МАНИЧ

Мария Манич
Мария Летова
Будь моим. Книга 1
Серия «Только с тобой», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69583465

SelfPub; 2023

Аннотация

Он лучший друг моего брата. Моя безответная любовь. Он старше на шесть лет, а я люблю его с пятнадцати. Он смотрит не на меня, а сквозь меня, не видит во мне девушку, а я хочу, чтобы он стал моим первым, а лучше всего – единственным.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	26
Глава 5	32
Глава 6	38
Глава 7	46
Глава 8	56
Глава 9	62
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Мария Летова, Мария Манич Будь моим. Книга 1

Глава 1

– Привет, не видел Андрея? – перекрикиваю грохочущую музыку.

– Не... – Подносит к губам горлышко пивной бутылки парень, которого я видела до этого вечера пару раз в жизни.

Рядом с ним ещё один, абсолютно незнакомый.

– У меня длиннее, чем у Андрея, – ухмыляется этот, второй.

Придурок.

Выбрасываю перед его лицом руку с оттопыренным средним пальцем и прохожу мимо, получив в ответ дружный гогот.

Быстро поднимаюсь на крыльцо дома и захожу в большой широкий коридор этой «дачи».

Деревянная отделка стен, на потолке дизайнерские лампы без плафонов, прямо под работающим кондиционером фотография каких-то гор.

Я еще здесь не бывала. Я даже толком не знаю, чей это

дом. Знаю только, что тут у хозяйки день рождения. В моей руке подарочный пакет с сертификатом от фитнес-центра. Это не намёк, просто я понятия не имела, что ей подарить, а там есть массажный кабинет и спа.

Еще довольно рано по тусовочным меркам, но здесь уже не протолкнуться. Народа под завязку. Музыка орет на полную, у соседей еще двадцать минут нет права вызывать полицию. Хорошо, что в этом поселке дома разбросаны за сто метров друг от друга.

Я вообще не собиралась сюда ехать, в этой тусовке я почти никого не знаю. Обещала подруге, что заскочу сегодня и поделюсь новостями, они у меня есть, но резко поменяла планы. В социальных сетях фотографии и видео отсюда забили всю ленту, и на них... на них был Влад...

Я просто хочу поздороваться... Мы давно не виделись. Я соскучилась по его голосу, улыбке и лучикам морщинок вокруг любимых серых глаз...

– Привет, не видели Андрея? – спрашиваю по дороге.

– Не-а, – отзывается знакомая худая брюнетка.

Бегаю взглядом по лицам парней, которые гурьбой вываливают во двор покурить.

– Привет, Андрея не видели?

– Беккера?

– Угу...

– На кухне глянь...

Протискиваюсь плечом вперед. Захожу на кухню и осмат-

риваюсь. Среди этих людей нет того человека, ради которого я притащилась за город, зато нахожу глазами лицо Андрея, моего старшего брата.

– Приве-е-ет, – возникает передо мной его девушка, Стася. – Классное платье... – осматривает меня и кладет руки на мои голые плечи.

– Спасибо, – отвечаю на ее комплимент. – Ты тоже супер выглядишь.

Она невысокая и очень подтянутая. Работает фитнес-тренером, они с Андреем в зале и познакомились.

– Здесь у нас бар, если хочешь чего-нибудь, просто бери, не стесняйся. И подходи к нам, мы с девочками во дворе будем, там бассейн.

Перед тем как отправиться в бар и взять себе газировки, я с краснеющими щеками и ушами спрашиваю:

– А что, Влад вернулся?

– Да, – весело кивает она. – Ходит где-то здесь...

По моему животу рассыпаются искры. Сердце бухает, и кровь вспыхивает вместе с лицом.

Он здесь...

– Привет, Моцарт! – Андрей укладывает предплечья на барную стойку, вынырнув с веранды.

Я села за фортепиано в шесть лет стараниями нашей немецкой бабушки. У меня абсолютный слух, и я решила, что хочу идти дальше. В семнадцать поступила в консерваторию. Родители оплатили учебу. В девятнадцать я точно знаю,

что не ошиблась дверью, иначе сбежала бы оттуда еще в первый год. Мне все нравится. Музыка часть меня. Мое призвание.

– Ты вроде не собиралась приезжать? – Андрей смотрит на меня в легком недоумении.

Ну да. Не собиралась. Это было до того, как я узнала, что его лучший друг внезапно вернулся в Москву после трехмесячного отсутствия.

– Передумала, – пожимаю плечом, продолжая украдкой осматриваться.

Мое сердце заполошно колотится: я в любую секунду могу найти того, кого ищу, и понятия не имею, что тогда стану делать!

Переведя глаза на Андрея, вижу, как он со скучающим видом проверяет свой телефон.

У нас с братом пять лет разницы, ему двадцать пять, а мне через две недели будет двадцать. Он очень даже красивый, и семьдесят процентов моих подруг пытались завести с ним отношения и залезть к нему в трусы, поэтому теперь подруг у меня не так уж много, они отваливались с разбитыми сердцами всю старшую школу.

Мой брат высокий шатен, еще и голубоглазый, плюс на животе у него кубики. У него от подружек отбоя не было, но уже полгода он со Стасей. Она милая – и это всё, что мне нужно о ней знать, я не очень лезу в их дела. Родителям пред-

ставлять ее он не спешит, но нас познакомил почти сразу.

– А где Влад? – спрашиваю и тут же прячу глаза.

Боюсь того, что мой брат когда-нибудь узнает, как безнадежно я влюблена в его друга. Андрей не поймет. Он вообще в любви не особо разбирается, он потребитель. Я уже точно не помню, где берут начало мои чувства... просто они есть, и с каждым годом все сложнее их скрывать.

– Где-то здесь... – Андрей что-то строчит в своем телефоне.

– Давно он вернулся?

– Вчера, – говорит рассеянно, не обращая внимания на мой мини-допрос.

– Ясно. Надолго?

– Еще не обсуждали.

Потоптавшись на месте, говорю ему:

– Мне нужно в туалет.

– По коридору до упора, потом направо.

– Спасибо... – выскальзываю из кухни в коридор.

Напротив комната с панорамными, открытыми нараспашку окнами от потолка до пола. Народ играет в футбол на плейстейшене. Влада среди них нет.

Отворачиваюсь и на полном ходу врезаюсь носом в широкую твердую грудь с конопляным листом на футболке.

– Тпр-р-р... – удерживает меня за плечи Егор. – Ты куда, малышка?

Он и Андрей вместе учились в МГУ, но три года назад

у Рязанцева таких мышц не было. Вокруг его каменного бицепса набита радиоволна, которая подмигивает мне из под рукава футболки.

Егор окидывает меня выразительным взглядом.

У меня декольте глубже, чем Марианская впадина. Длина моего черного сарафана тоже хромает, но я уже давно пленки не ношу, просто Рязанцев об этом, видимо, забыл.

Они все считают меня ребенком.

Он смотрит вниз, на мою грудь, и от желания подтянуть сарафан меня спасает только бурлящий в крови адреналин.

Опустив руки, разглаживаю невидимые складки у себя на бедрах.

– Спасибо. – Поправляю волосы, глядя на Рязанцева. – Ты Градского не видел?

– Видел, – отвечает, с лентой изучая мое лицо.

На мне макияж, с которым я провозилась сорок минут. Мне хотелось быть особенно красивой. И чуточку более взрослой. На глазах нарисованы широкие черные стрелки, а на губах матовая красная помада.

– Где? – лепечу.

Егор думает пару секунд, после чего мотает головой в сторону коридора.

– Там...

Смотрю в указанном направлении, видя две двери, одна из которых должна быть туалетом.

– Спасибо... ты лучший! – Целую воздух у его щек.

Его руки на моих плечах напрягаются и соскальзывают вниз.

Отстраняюсь, поправляя волосы. Они светло-русые, но выгоревшие на солнце до полного блонда, и сегодня уложены волнами.

Обогнув Егора по дуге, направляюсь в коридор, но правая дверь распахивается раньше, чем успеваю обдумать ситуацию. Оттуда прямо на меня вываливается какой-то плохо стоящий на ногах парень с дредами.

– Сорян... – невнятно шевелит губами и, пошатываясь, уходит.

Развернувшись на пятках, поворачиваю ручку двери напротив и заглядываю в комнату. В ней полумрак, и из-за грохота музыки ничего не слышно, но я мгновенно выхватываю из пространства картинку, которая выжигается на сетчатке моих глаз клеймом.

Распахиваю их шире под разгоняющийся пульс.

Я вижу голую мужскую спину. Жилистую, с напряженными узлами мышц и ровной впадиной позвоночника. Вижу голые мужские ягодицы над поясом приспущенных джинсов. Бедра резко двигаются между загорелых женских ног, и, когда мои уши отпускает временная глухота, слышу стоны их обладательницы даже через шум музыкальных битов.

Он трахает ее сзади. Одной рукой придерживает талию, а второй собирает и тянет на себя густые рыжие волосы.

Врезается так, что кровать стучит о стену.

Пошло, грязно, грубо...

Нужно незаметно уйти. Исчезнуть. Провалиться через пол и оказаться в подвале. Или лучше в аду. Лишь бы не видеть, как Градский занимается сексом с какой-то рыжей и как ему это нравится...

Мое тело немеет, а к горлу подкатывает ком тошноты. Не могу сдвинуться с места...

– Ты что... дверь не закрыл?! – визжит женский голос.

Меня парализует еще сильнее, когда темноволосая мужская голова поворачивается.

Я вижу знакомые черты. Прямые темные брови, прямой нос, немного тонкие, строгие губы, маленькую ямочку на подбородке и холодные серые глаза. Его лицо такое же жилистое, как и все его тело, и сейчас на его лице гримаса, которой я никогда в жизни у него не видела.

Удовольствие и напряжение. Возбуждение.

Он останавливает этот расфокусированный взгляд на мне, а потом я слышу злую команду, от которой шарахаюсь, больно ударяясь плечом о дверной косяк.

– Арина, выйди на хер отсюда!

Выскакиваю из комнаты как ошпаренная, с грохотом захлопывая дверь.

Глава 2

Влетаю в туалет напротив с ощущением, будто на полу за дверью от меня остался огненный след.

В отличие от Градского, я не забываю закрыть дверь.

Негнушнимися пальцами поворачиваю замок два раза и только после этого даю волю подкатившим к горлу слезам. Лопатками прижимаюсь к холодному дверному полотну и прикрываю глаза, не собираясь останавливать поток соленой влаги, бегущей по моим щекам.

– Добро пожаловать домой! – обращаюсь к Градскому, глядя на свои белые кеды.

Мне приходится мириться с тем, что мужчина, которого я люблю, трахает какую-то рыжую в трех метрах от меня.

Грязная картинка так и стоит перед глазами во всех деталях, от этого сердце сжимается и ноет. Меня раздирает ревностью. Это реальная боль, как боль в горле во время ангины. Это дискомфортное чувство не покидает меня последние три месяца, потому что, когда Влад уехал, я вдруг поняла: он может вообще никогда не быть моим, и мне придется до конца жизни питаться одними догадками о том, что такое его поцелуй или его взгляд, наполненный интересом в мою сторону.

Я не знаю, когда это началось, просто меня затягивало и затягивало, как в воронку, пока я не поняла, что мечтаю о

Градском дни и ночи напролет, загораясь каждый раз, когда он рядом.

Горло опять сдавливает спазм.

Он никогда на меня не орал...

Открываю глаза и на слабых ногах подхожу к умывальнику.

Мой макияж поплыл. Исправляю это как могу: обновляю стрелки и маскирую припухшие нижние веки консилером. Выхожу из туалета, стараясь не смотреть на противоположную дверь, но мне достаточно знать, что он там, чтобы разрываться от концентрации эмоций в грудной клетке.

Его не было в Москве три месяца. Он жил за границей, расширял кругозор и набирался опыта. Это все, что я знаю, он не особо светится в социальных сетях, а вытягивать такую информацию из Андрея – все равно что клеить на лоб бумажку с признанием в любви, потому что вру я, как правило, плохо.

Ноги сами приносят меня обратно на кухню. Мой брат мешает какой-то коктейль, стоя у открытого холодильника, и делает мне знак рукой.

Вяло улыбаюсь в ответ.

– Хочешь чего-нибудь? – спрашивает.

Умереть.

– Ничего, – бубню в ответ.

Падаю на стул и опускаю голову на руки. Нужно вызвать такси и ехать к Крис. Поплакаться ей в жилетку. Больше мне

здесь торчат незачем.

– Салют... – слышу будоражаще знакомый голос сбоку.

По спине разбегаются мурашки, щеки заливают краской, волоски на коже встают дыбом – и так каждый гребаный раз!

Повернув голову, вижу, как Градский усаживается на барный стул напротив меня.

На его щеках орудие красные пятна, в темной шевелюре бардак, а на шее... красное пятно, в остальном ничего не говорит о том, что я увидела пятнадцать минут назад.

Его глаза останавливаются на моем лице, и они совершенно невозмутимые, а я готова провалиться сквозь землю, потому что от взгляда на него мое тело опять электризуется.

Потираю ушибленное плечо и задираю повыше нос.

– Как дела? – спрашивает он так, будто ничего не случилось.

На его лице ни тени радости от встречи со мной. Ничего, просто вежливое «как дела» и чуть более внимательный, чем обычно, взгляд. Хоть что-то новое.

Со мной много чего случилось за это время, но вываливать ему свои новости как ни в чем не бывало я не хочу.

– Лучше всех, а твои?

На нем черная футболка и клетчатая рубашка, которая натягивается на широких плечах. Мой рот наполняется слюной, когда смотрю на эти плечи, мечтаю обвести пальцами твердые мышцы и почувствовать на себе его руки...

Я зла на него. Рассержена. Хотя он в принципе ни в чем

передо мной не виноват.

– В порядке. Дать тебе номер моего психоаналитика? – интересуется как бы между делом. – На случай психологической травмы.

Закусив изнутри щеку, кошусь на брата.

Он роется в холодильнике в двух метрах от нас, и Градский прекрасно знает, что Андрей нас не слышит.

Это всегда манило меня в Градском. Его уверенность и нахальство, от которого у меня в животе бабочки, а сердце неуправляемо трепещет.

– А тебе дать номер хорошего венеролога? – говорю, понизив голос.

– Я использовал презерватив.

Мой рот открывается, а Градский трет ладонями лицо и бормочет:

– Ладно, забудь.

– Я знаю, что такое секс... – выдавливаю из себя подобие улыбки. – Мне не пять лет.

– А, ну да, – криво усмехается. – И что такое секс?

Влад ждет ответа, выписывая по моему лицу взглядом внимательные круги.

– Это когда двое людей занимаются любовью.

– Неправильно. Это когда двое людей трахаются, сбрасывая напряжение, любовь здесь не обязательна.

Жар ползет вверх по моему лицу.

Что с ним сегодня?

– Кажется, это называется цинизм. – Разглядываю свои ногти.

– Он самый. Текилы?

– Алкоголь противопоказан детям и беременным женщинам, – сообщает мой брат, возникая рядом и ставя перед мной банку с колой.

– Иди в задницу! – шиплю рассерженно.

Зато Влад громко смеется, чуть выгнув жилистую шею.

– Че случилось? – Андрей задерживает взгляд на моем лице.

– Ничего... – прячу от него заплаканные глаза.

Сама хватаю со стола бутылку текилы и две рюмки. Осматриваю их с тщательностью рентгена, чтобы не глотать алкоголь после кого-то. Рюмки чистые, а на лице Градского ирония.

– Давай уже.

Он протягивает руку. Позволяет посыпать солью над большим пальцем. Себе я делаю так же, глядя на то, как его глаза блуждают по комнате.

Я не могу быть естественной рядом с ним. Вечно делаю то одну глупость, то другую, а потом проклиная себя за это.

Мы чокаемся. Выпиваем одновременно и слизываем тоже одновременно.

Смотрю в его глаза, стараясь не закашляться.

Влад молча протягивает мне дольку лайма, и наши пальцы

на секунду соприкасаются.

Тепло бежит по венам вместе с порцией сорокаградусного алкоголя, и я немного расслабляюсь.

– Еще, – прошу его, прикусывая лайм.

Влад приподнимает брови, а я быстро облизываю языком губы.

– Тебе хватит, – сообщает, забирая бутылку.

– Не тебе решать. – Перегибаюсь через стойку и тяну бутылку на себя. – Ты не мой старший брат.

– Тоже верно, – усмехается, разжимая ладонь.

Эта ухмылка делает его лицо красивым. Ямочка на подбородке становится глубже, скулы острее.

Бутылка остается в моей руке, по голым плечам, рукам и груди бегут мурашки. Соски под тонким сарафаном превращаются в чувствительные горошины, и взгляд Градского на секунду опускается вниз, но в следующую секунду он достает из кармана джинсов звонящий телефон и смотрит на дисплей.

Я вижу, как этому звонку адресуется все его внимание. Глядя на экран, он вдруг напрягает желваки, и выражение его лица становится нечитаемым.

– Да? – отвечает на звонок и встает, направляясь к окну.

Я тоже встаю, из-за этого текила ударяет по голове и смягчает колени.

– Я пойду. Меня Кристина ждет, – говорю брату.

– Ага, – отзывается Андрей. – Скинь сообщение, когда

доберешься.

Ловлю на себе не особо сфокусированный взгляд Градского, стоящего у окна. Он поднимает руку в знак прощания и отворачивается, слушая собеседника.

Это девушка, и она плачет. Я услышала ее голос, когда меняли музыкальные треки. Услышала так отчетливо, что уши режет.

У Влада никогда не было постоянных отношений, и этот факт всегда спасал меня в часы отчаяния.

Протискиваюсь к выходу, бросив последний взгляд через плечо.

Глава 3

– Ты должна была приехать два часа назад, – без приветствия выговаривает Крис мне в трубку. – У нас после одиннадцати аврал, я тебе сто раз говорила.

Она имеет право обижаться, у нас негласный закон выполнения своих обещаний, а я ее даже не предупредила.

У меня есть два часа, чтобы успеть в кальянную, где она работает. Заведение закрывается в два часа ночи, потом подруга поедет домой, в общежитие, а после полуночи туда постороннему даже со взяткой не пройти.

Универ выделил ей комнату и стипендию, как сироте, но на эту крохи даже тот же кальян не покурить. Она живет в общежитии, а квартиру, которая досталась ей от родителей, сдает. В общем, Крис умеет выживать.

– Я видела Влада, – сообщаю, рассматривая темный потолок машины и ночные огни за окном.

Кристина громко цокает на том конце провода.

– Он что, вернулся?

– Вчера. – Разглаживаю юбку у себя на коленях.

С тех пор, как он уехал, я запретила себе говорить о нем. Теперь я так мало знаю о его жизни, что он почти превратился в мираж. Манящий и недостижимый. Ускользающий от меня куда-то за пределы досягаемости, в ту жизнь, которая скоро совсем перестанет пересекаться с моей, и меня терзает

кошмарное чувство потери, с которой я все никак не могу смириться.

– Ладно, я тебя жду. – Кладет Крис трубку, прощая мне то, что я ее почти кинула.

Мы с Крис познакомились в восьмом классе, когда она пришла к нам учиться. Над ней оформил опеку директор нашей школы. Ее родители были в разводе, но умерли один за другим в течение одного года, больше родных найти не смогли. В тринадцать эта история потрясла меня до такой степени, что родители подумывали отправить меня к психологу. Я неделю не могла есть и спать, примеряя на себя ситуацию нашей новенькой, пока остальные ее троллили. Я пожаловалась Андрею, и он дал в зубы одному придурку, который доставал Крис особенно сильно. Она и сама пару наших одноклассниц оттаскала за волосы, чем покорила мое воображение еще раз. Я предложила ей сесть со мной за одну парту, с тех пор мы неразлучны.

Я вижу ее худую фигуру у барной стойки, когда спускаюсь в подвальное помещение модной сети кальянных «Мята». У Крис черная униформа, темные волосы собраны в высокий хвост. Я, как и все остальные, считаю ее красивой и заметной. У нее слишком пухлые губы и слишком выразительные карие глаза, чтобы на нее можно было не обратить внимания. У нее в руке зажигалка, которой она постукивает по стойке, о чем-то переговариваясь с татуированным с ног до головы барменом.

Все диваны заняты, у стойки тоже толкотня, самый настоящий аврал. Суббота.

– Привет! – кричу ей в ухо, забираясь на единственный свободный стул, который Крис для меня придержала.

– Жди теперь, – пеняет мне. – У меня два заказа, – сказав это, она уходит в техническое помещение, хлопнув за собой дверью.

Заказываю себе кофе и прижимаю чашку к губам, листая ленту новостей в своих соцсетях. Лезу в сторис брата, как тупой сталкер.

Мне хочется взвыть.

Градского на его стримах нет. Только танцующая Стася светит подкачанным пупком. Куда Влад делся?! Уехал сразу после меня? Или опять с кем-нибудь кувыркается?

Кофе становится горьким от этой мысли. Я тусуюсь с братом не так часто, но в первый раз застала чей-то интим. Их вечеринки даже суперпьяными никогда не бывают, иначе Андрей никогда не взял бы меня туда с собой.

Но это же Градский! Ему все можно...

Мне было примерно двенадцать, когда я увидела его впервые. Где-то через год я познакомилась с Крис и просто до дыр стерла ей уши рассказами о нем.

Мой брат притащил к нам домой нового друга, с которым вместе учился на экономическом, и Влад покорил мое неокрепшее воображение с первого взгляда.

Высокий, красивый и непохожий на нас, на нашу семью

или друзей. На нем была потертая косуха, рваные джинсы и потрепанные жизнью кеды, как у настоящего шалопая. Он был похож на бунтаря! В нашей семье так одеваться было не принято, отца бы хватил удар, если бы Андрей или я обрядились во что-то рваное. Только потом из разговора отца и брата я узнала, что Влад из очень обеспеченной семьи.

Да я язык проглотила, когда его увидела. Пялилась из-за угла, боялась высовываться. Он и не пытался заводить со мной разговоры, до пятнадцати я, кроме «привет», в его присутствии ничего сказать не могла. Краснела, шарахалась и запиралась в своей комнате.

– У меня перерыв пять минут. Пойдем покурим. – Крис кладет на стойку рядом со мной стопку меню.

Терпеть не могу ее привычку курить, а она терпеть не может, когда я ворочу нос.

На улице тепло, мимо снуют редкие прохожие и проезжает желтый «ламборгини». Синхронно провожаем его фары взглядом.

Кристина прислоняется спиной к стене и выпускает вверх облако едкого сигаретного дыма.

– Он тебя видел? – спрашивает у меня.

Закусив губу, рассматриваю матерные надписи на кирпичной стене.

– У него в глазах все плыло и двоилось, – говорю ей. – По моему, он был пьяный.

– От тебя самой пахнет, – морщит она нос.

– Мы пили текилу.

– И он разрешил слизать с себя соль? – хихикает. – А ты намочила трусы?

– Дура, – тоже хихикаю, толкая ее в плечо.

– Тебе нужно носить запасные, когда Градский в городе, – заявляет авторитетно.

Крис видела его вживую не так много раз, но о нем она знает больше, чем о любом своем парне.

Мы опять глупо хихикаем, но, чтобы перейти к самому интересному, мне нужно собраться с духом.

Кристина не девственница, в отличие от меня. Она вообще два раза не думает, перед тем как что-нибудь сделать. Мой брат считает ее проблемной, и это бесячий снобизм. Она такая, какая есть: смелая!

– Я видела, как он занимается сексом, – вываливаю ей. – С какой-то рыжей телкой. Он даже штаны не снял!

Она давится сигаретным дымом и сипит, откашлявшись:

– Боже мой! Тебе теперь психоаналитик понадобится...

Кривовато улыбаюсь, опуская тот момент, где Влад сказал то же самое.

– Ну и как?

– Что как?

– Какой у него член? Сантиметров тридцать?

– Боже, заткнись... – прячу лицо в ладонях. – Я не видела...

– Ты что, глаза закрыла? – издевается она. – Такой шанс...

– Я видела его голую задницу.

Надеюсь, что у нашего разговора нет свидетелей, поэтому кручу головой по сторонам.

– Ну хоть что-то... – цокает.

Она вообще не понимает моих чувств. Крис, как и мой брат, ни разу в жизни не была ни в кого по-настоящему влюблена. Андрей ни одну свою девушку не приводил домой. Никогда. И Стасю в том числе. Я бы могла открыть ей глаза, ведь все это я уже сто раз видела.

Кристина тушит об урну сигарету, говоря:

– По-моему, тебе пора переходить на следующий уровень, а то так и умрешь девственницей.

– Это на какой? Преследование? – Пинаю кедам лежащий на асфальте пластиковый стакан.

– Ну, к активным действиям. Он же не экстрасенс. Ты только смотришь на него, и все...

– А он даже не смотрит.

Это больной вопрос. Очень больной!

– Ну так сделай что-нибудь, чтобы посмотрел, – машет в мою сторону рукой. – Как на красивую и сексуальную девушку, – добавляет со вздохом.

– И что ты предлагаешь? В любви ему признаться?

Больше всего на свете я боюсь того, что он надо мной посмеется. Он это умеет. Я никогда не смогу с ним флиртовать. Я боюсь этого так же, как в пятнадцать.

– У меня от дыма мозги слиплись, я не в состоянии сейчас

думать. Что у тебя с концертом в следующую пятницу? Мне отпрашиваться?

– Да! – Порывисто обнимаю ее плечи. – Меня взяли!
Мы прощаемся, и я вызываю себе такси.

По дороге домой проверяю чат участников концерта, который закрывает учебный год в консерватории. Конкурс на мое место был пятнадцать человек. На концерте будет министр культуры и еще куча разного народа. У нас оркестр и...

Брынькает уведомление, и я опять проваливаюсь в соц-сеть.

Зависаю на фотографии, на которой кто-то застал нас с Градским в тот момент, когда мы слизываем со своих рук соль. Сохраняю фото себе в галерею, а потом открываю и рассматриваю, увеличиваю...

Рассматриваю его лицо, обращенное ко мне. Ленивую усмешку на его строгих губах. И его прямой взгляд на моем лице.

Мои глаза закрыты, а его смотрят на меня.

Он пялился?

Сердце делает в груди рывок, в животе оседает холодок.

Следом прилетает еще одна фотография, где мы боремся за бутылку текилы.

Если бы я так отчаянно не прятала глаза, видела бы, что и тогда он на меня смотрел. Прямо, открыто и с прищуром.

Боже...

У меня что, галлюцинации?

Глава 4

Шум дождя в моих наушниках поставлен на полную громкость. Я вижу, как шевелятся губы моего художественного руководителя, но его слов не слышу, у меня «минута тишины».

Он в сотый раз вбивает в наши головы, какое важное это мероприятие и как серьезно мы должны к нему относиться. Это его методы психологической подготовки к концерту, и они явно морально устарели.

Вокруг меня напряженные и серьезные лица.

Я боюсь потерять концентрацию.

Отхожу в сторону, к стене, чтобы помедитировать.

Убиваю в голове все мысли. Ни одну туда не пускаю. Если потеряешь концентрацию, тебя «несёт», и ты уже себя не контролируешь. Творишь фигню, руки не слушаются и голова тоже. Полный аффект.

У меня такое было. Словить это состояние самое отстойное из того, что может случиться на сцене с пианистом.

Меряю шагами коридор рядом с выходом на сцену и разминаю пальцы, сжимая и разжимая кулаки.

Сегодня заключительный концерт фестиваля в честь юбилея консерватории. Он уже полтора часа длится. В зале моя семья и Кристина, и еще человек двести гостей, в том числе министр культуры и мэр Москвы.

Это накладывает ответственность!

Сейчас на сцене хор с партией фортепиано, но через мои наушники ни единого звука не пробивается. Сначала меня поставили к ним, но потом перебросили в другую партию.

Сердце начинает скакать, когда хористы высыпают из зала в коридор, а техники начинают менять инвентарь.

Тру вспотевшие ладони о бедра. На мне черное шелковое платье в пол с узкими рукавами. Полностью закрытое спереди и с вырезом до середины спины сзади. Мне в нем комфортно, даже несмотря на то, что на мне нет лифчика. Соски спрятаны под гладкими силиконовыми накладками, поэтому мне не угрожает опозориться распущенностью. Мои волосы забраны назад и скручены в гладкую улитку.

Я знаю свою партию наизусть. Я готовила ее к экзамену, плюс за неделю репетиций вызубрила ее так, что смогу сыграть даже в следующей жизни.

По голой коже спины пробегает сквозняк. Окно открыто нараспашку.

Ребята с дирижерского раздают пластинки жвачки. Мне тоже предлагают.

Отрицательно качаю головой. В консерватории есть своя «богемная» тусовка, из которой я выбиваюсь.

Пальцы покалывает.

Эти минуты перед выходом самые ужасные и прекрасные в жизни музыканта. Прекрасные – потому что только на сцене получаешь внутреннее удовлетворение от момента, к ко-

торому столько готовился. Ты отдаешься музыке, доставляешь удовольствие аудитории. В этом суть моей сумасшедшей профессии.

– Беккер... – Дергает меня за локоть Наташа, наша главная скрипка. – Але, выходим...

Достав из ушей наушники, высыпаю их в ладонь хориста и вручаю ему свой телефон.

– Подержи... – прошу парня.

– Удачи, – желает он беспечно.

Лучше бы я была хористкой.

– Угу... – Просовываю руку под горло платья и достаю свой кулон.

Сжимаю его в ладони и подношу ее к губам.

Это серебряный скрипичный ключ на длинной цепочке.

Я ношу его с пятнадцати лет. Градский подарил мне его на день рождения.

Он, наверное, уже давно об этом забыл. Это же не кольцо с бриллиантом. Это самая настоящая безделушка. Даже не знак внимания. Он просто вручил мне коробочку мятного цвета на пятнадцатый день рождения и с легкой ухмылкой подергал за косу.

Я слышу свою фамилию среди других, когда ведущий объявляет наш выход.

Опять будоражит мандраж. Волоски на затылке шевелятся.

Черт. Черт. Черт...

Спокойно!

Все проходит, когда оказываюсь на сцене. Концентрируюсь на рояле в центре. Не смотрю в зал. Там слишком много людей.

Я начинаю первой, поправив микрофон. Пальцы делают свое дело на автомате. Музыка заполняет пространство и, когда мелодию подхватывают скрипки, я уже ни о чем не думаю. Просто играю, забывая даже о том, что должна держать спину прямо и не хмуриться, чему учила бабушка. Отдаю инструменту часть своей души. Любовь. Эмоции и энергию.

Нас шестеро. У нас отличная слаженность, я, кажется, ни разу не нажала, но я всегда собой недовольна. Всегда!

Я закрываю партию вместе с виолончелью двумя сильными выпадами. Последний раз ударив по клавишам, замираю и выдыхаю, прикрыв глаза.

Пару секунд вокруг нас тишина, а потом я слышу абсолютно неприемлемый свист. Он сольный, и я почти уверена, что это Андрей!

Дурак.

Мне хочется смеяться.

За свистом следуют аплодисменты.

От адреналина сердце скачет еще быстрее. Глаза на секунду попадают в зал. Разбегаются по лицам. Ни одного знакомого не вижу.

Отвешиваем синхронный поклон и уходим.

В коридоре хорист возвращает мне телефон и наушники.

– Кофе хочешь? Я Антон, – улыбается, заглядывая мне в лицо.

Пытаюсь остудить пылающие щеки, прикладывая к ним ладони.

– Меня родители ждут, – говорю ему. – Может, в другой раз...

– Может, – склоняет набок голову. – Ты Беккер, да?

– Да... ну пока. – Плетусь к окну, на котором лежит мой рюкзак.

– Я тебя найду, – говорит парень мне в спину.

Достаю из рюкзака маленькую бутылку воды и жадно пью. Пара капель течет по подбородку. Вытираю их ладонью.

Свидания не входят в мои планы на лето, я и правда умру девственницей, но моя эйфория не дает этому ужаснуться.

До конца мероприятия еще пятнадцать минут, в течение которых слушаем скупую похвалу худрука, а потом я со скрипящим сердцем слушаю сольную игру приглашенного гостя. Бывшего выпускника, лауреата международных конкурсов. Лучшего из лучших.

«Мы внизу», – читаю сообщение от Крис и быстро записываю в рюкзак воду и телефон.

Мы все идем в ресторан прямо сейчас. Я голода не чувствую, меня все еще колбасит.

В общей толкотне пробираюсь к лестнице и спускаюсь в холл, стараясь не наступить на платье. В холле тоже толпа, но сверху я вижу русский затылок брата и Кристину, которая

рассматривает потолок. Вижу седую голову отца и взбитый начес мамы. И высокого bruneta рядом с ними.

Мое сердце спотыкается, кубарем сваливаясь в живот.

На Градском костюме, как и на моем брате. Черный пиджак и брюки. Белая рубашка оттеняет загар, костюмная ткань обтягивает спину, как влитая.

Он, твою мать, как с обложки.

Что он здесь делает?! Он был в зале?!

Влад поворачивает голову, смотрит вокруг, смотрит на лестницу. Три секунды, и он меня видит. И все эти три секунды я не дышу.

Глава 5

Может, и права была Крис. Может, мне стоит носить с собой запасные трусы, когда Влад в городе! В пятнадцать у меня с трусами забот не было, а в девятнадцать они стали проблемой.

Я смотрю на Градского и вижу мужчину во всех смыслах. Сильного, живого, даже слишком. Он всегда двигается немного резко, будто любое положение в пространстве ему быстро надоедает, но, несмотря на это, мне хочется к нему прижаться. Всем телом его почувствовать. От этого теплеет в животе, грудь тяжелеет, и я радуюсь тому, что сегодня на мне спасительные силиконовые накладки.

Градский пробегается по мне непроницаемыми серыми глазами. От прически до носков открытых туфель на шпильке. И возвращается к моему пылающему лицу. Он мне салюует, приложив ко лбу два пальца, потому что видит – я тоже на него смотрю.

Наше скромное семейное мероприятие вдруг меняет весь свой смысл! Просто потому, что присоединился еще один человек. Я боюсь выдать себя взглядами или еще чем-нибудь. Мне кажется, что, когда я на него смотрю, любой может прочесть мои мысли. Поэтому я прячу от него глаза. Почти всегда. Смотрю себе под ноги, пока спускаюсь по лестнице, держась за перила. Контролирую каждое движение. Каждый

вздых.

В крови опять адреналин. Только две вещи на свете так выводят меня из равновесия – необходимость выйти на сцену и Градский, и обе они мучительно-восхитительные: сначала пугают, потом приходит чокнутая эйфория. Дофамин в крови зашкаливает.

Меня подколачивает внутренняя дрожь, когда легонько обнимаю папу в полуметре от Влада.

В руках отца букет белых пионов. У Андрея тоже цветы. И у Кристины. Пустые ладони Градского лежат в карманах отглаженных брюк. Чувствую его присутствие кожей. Моя болезнь под названием «Влад Градский» очень высокочастотная и плохо поддается лечению. Я больна и признаю это.

– Я что, прима-балерина? – бормочу в ворот отцовской рубашки, намекая на то, что мне хватило бы и одного букета.

Мой отец ярый фанат спортивных марафонов, поэтому даже в шестьдесят в отличной форме. Энергии у него больше, чем у ребенка.

– Горжусь! – Он легонько хлопает меня по плечам.

Он глотает звук «эр», выдавая свой акцент.

Мой отец живет в России уже почти тридцать лет, но продолжает говорить с немецким акцентом. Родители познакомились в посольстве, здесь, в Москве. Андрей успел несколько лет пожить с родителями в Германии, а я выросла в столице. На родине отца мы бываем наездами, там у нас есть куча родственников.

– Спасибо! – Забираю у него свои любимые цветы и прячу в них нос.

– У меня нет слов... – обнимает мама. – Я помолодела на двадцать лет!

– Тогда мне сегодня грозит опасность, – замечает папа.

Фирменная выдержка его речи любую шутку делает смешной, даже самую плоскую, поэтому прыскаю от смеха вместе со всеми.

– Я тоже помолодел. – Андрей сжимает меня в руках, подкидывая вверх так, что мои ноги отрываются от пола, а ткань платья ужасно сминается.

– Стой! – смеюсь. – Сломаем букет!

– Бомбично, – описывает он мое выступление и аккуратно ставит меня на ноги.

Кристина выныривает из-за его плеча и тянет ко мне руки. Мой брат делает шаг в сторону, кладя свои руки на пояс брюк.

– Я расплакалась, – бормочет Крис мне на ухо. – До сих пор мурашки по телу бегают.

Градский стоит за моей спиной, не мешая поздравлениям. Я не могу больше его игнорировать.

Прижимая к себе цветы, разворачиваюсь и стреляю глазами в его лицо.

Он наблюдает за нами с видом молчаливого присутствия, но от этого его не становится меньше.

Не пялиться... только не пялиться...

Жар на моих щеках можно списать на волнение. Это спасает!

Он был на концерте – для меня это важно. Он сто раз слышал, как я играю, но это было сто лет назад. Это было до того, как я решила связать свою жизнь с музыкой и сделать ее центром своей жизни.

– Привет, – быстро посмотрев в его лицо, перевожу глаза на верхнюю пуговицу его рубашки.

Над ней его жилистая шея и выпирающий кадык. На линии челюсти короткая щетина.

– Салют, – отзывается лениво. – Я не помолодел, меня размазало, – продолжает он цепочку этой «шутки».

– Понравилось? – снова поднимаю на него глаза, чтобы уловить крупницы эмоций.

– В восторге.

По его лицу ни черта не возможно понять. Может, это правда, а может, нет.

Сердце сладко сжимается от скупой похвалы, а в душе разгорается буря. Как хорошо, что я была не в курсе его присутствия в зале, иначе словила бы свой фирменный панический аффект.

– Плакал?

– Как ребенок, – он растягивает в улыбке губы.

Я тоже улыбаюсь. Не отвожу глаза. Смотрю в его лицо.

Мы пялимся друг на друга, кажется, целую вечность.

Все звуки словно меркнут. Люди вокруг исчезают.

Он такой красивый в этом костюме и рубашке, что слепит глаза. В противовес тому, каким я видела его неделю назад за городом, сейчас он слишком взрослый и серьезный. Недоступный. Это еще сильнее жалит мое либидо.

– Какими судьбами? – спрашиваю тихо.

– За компанию. Давно не видел твоих родителей.

Это отрезвляет.

Размечталась...

– Ну, круто... – говорю, шагнув от него сторону.

– Давайте фотографироваться! – объявляет мама. – Где лучше встать?

Покрутив головой, она выбирает угол между стеной и колонной.

– Альберт, иди сюда... Андрей, ты стань рядом со мной...

– Давай мне цветы. – Кристина забирает из моих рук букеты.

Я вижу, что сегодня с макияжем она заморочилась. Он вечерний. Волосы распущены, плюс она вылезла из джинсов и надела голубое атласное дизайнерское платье-комбинацию, которое я ей подарила. С ее смуглой кожей смотрится потрясающе.

– Сфотографируешь? – Протягиваю Градскому свой смартфон.

– Ага. – Забирает гаджет, задевая мои пальцы своими.

Отдергиваю руку, боясь, что он заметит мою ненормальную реакцию на свои прикосновения. Хуже всего то, что я

не хочу лечиться от этой болезни. Особенно сейчас, когда он здесь, прямо перед глазами.

Десять минут мы фотографируемся, меняясь местами, как на выпускной альбом.

Влад делает пару кадров с родителями и Андреем, потом с Кристиной.

При моих родителях она всегда ведет себя как отличница. Говорит, только когда ее спрашивают, и всегда не то, что думает.

– Теперь ты. – Забирает у Градского телефон, предлагая занять ее место.

Он молча становится рядом. Даже слишком близко. Так, что мой висок касается его колючей щеки.

Я чувствую запах его терпкого парфюма на своем языке. Не знаю, куда деть руки, ощущая себя скованно и растерянно. Рука Влада уверенно ложится на мою талию, прожигая кожу через тонкий шелк платья.

Крис поднимает телефон выше.

– Улыбайтесь, – велит полупрофессионально.

Осмелев, кладу руку на твердую мужскую грудь, чувствуя под ладонью жар его тела, каменные мышцы и ровный сильный стук сердца.

Даже когда сажусь в машину брата вместе с Крис и родителями, чувствую отголоски этих сильных ударов на своей ладони.

Глава 6

Отец просит себе слово, как только официант разливает по бокалам вино. Папа стучит столовым ножом по своему, наполненному минеральной водой, вставая и привлекая к нам внимание соседних столиков ресторана.

Под потолком горят люстры с хрустальным декором, они медленно вращаются, и от этого по белой скатерти скачут блики.

Это любимое место нашей семьи. Здесь на столик всегда благородная очередь, но это не проблема, если подумать о заказе заранее. Мы заедаем здесь все свои праздники. В отличие от других семей, наша предпочитает одно и то же из года в год. Это наше фамильное постоянство, которое никого из нас не напрягает.

– Моя девочка совсем выросла, – объявляет папа с ласковой улыбкой.

Только не это.

– Папа... – кошусь на него. – У меня день рождения только через две недели.

– Двадцать, – кладет на сердце руку. – Прекрасный возраст, не так ли?

– Получше, чем средний, – озвучивает свои мысли Андрей.

Откинувшись на спинку стула и вытянув перед собой ру-

ку, он крутит между пальцев тонкую ножку бокала. Крис рядом с ним притворяется глухонемой, хотя мой брат знает прекрасно – это не ее кредо.

– Глупости, сынок, – цокает мама. – Возраст моральной зрелости – прекрасное состояние души.

– Возраст половой зрелости мне больше нравится, – ухмыляется он, салютуя бокалом.

– Негодник, – цокает мама, глядя на моего брата с нежностью.

Мне немного душно, хоть мы и сидим недалеко от выхода на веранду.

Моя половая зрелость, похоже, вошла в пике.

Глажу свою шею сзади, надавливая на выступающий позвонок. В другой руке у меня запотевший бокал белого сухого вина, и рядом с его основанием на столе лежит рука Влада. Очень близко. Если я сдвинусь в сторону, то могу прижаться своим плечом к его плечу, и эта мысль не дает сосредоточиться на разговоре.

Он играет льдом, обхватив длинными пальцами толстый бокал для виски, а на его загорелом запястье отлично смотрятся строгие, пожалуй, даже суровые часы.

Он весь собранный и отутюженный, будто это не его буквально неделю назад я застала со спущенными штанами. Каким бы безупречным он ни был, меня этот костюм не обманывает.

Смотрю на его разведенные под столом бедра. На то, как

гладкая брючная ткань обтягивает мышцы и топорщится в паху. Мне нужны не только запасные трусы. Слюнявчик тоже пригодился бы.

Отвожу глаза, как будто обожглась.

– За прекрасный вечер, прекрасную компанию и мою дочь, прекрасного музыканта! – Вскидывает вверх свой бокал папа.

– Присоединюсь, – негромко произносит Влад.

Эта интонация кажется мне интимной, и вибрацию внутри себя я принимаю как должное.

Он действительно приехал повидаться с моими родителями. Еще одно преимущество этого места – столы здесь круглые. Любовь моего отца к равноправию здесь заложена в концепцию. Под звон столовых приборов папа ведет с Градским тихие беседы, пока мама пытается вытащить из Кристины подробности ее жизни.

Дипломатия у моего отца в крови, поэтому к нему все тянутся, а в наш дом приходят с ощущением, что им будут рады.

Я мало что знаю про семью Градского. Его отец очень известный хирург, но у них, кажется, сложные отношения. Мы не встречались с его семьей, он никогда не предлагал познакомиться.

– Как дела с учебой? – интересуется у моей подруги мама.

– Отлично, – бормочет Крис, пряча лицо за волосами. – Сессию закрыла на стипендию.

– Арина говорила, ты ищешь варианты для практики?

– Эм... сейчас не до этого... работа много времени отнимает.

– В кафе, кажется? – рассуждает она. – Это не навсегда, дорогая. Андрей, ты говорил, вам не хватает светлых резвых умов в фирме?

Мой брат поднимает голову от тарелки со стейком и выгибает брови.

– Что?

– Ты мог бы помочь Кристине с практикой, – посещает маму отличная мысль.

– Звучит как факт.

– Это необязательно, – мямлит Крис. – Я сама разберусь...

На ее тарелке лежит почти нетронутая паста, в которой подруга купает королевскую креветку.

Ее щеки покрываются пятнами смущения, как у первоклассницы.

– Ему же несложно. Да, сынок? – «просит» мама.

– Угу, – жует Андрей.

– Вот и решили! Отличная спаржа. Никто не хочет попробовать?

– Позвони мне на неделе, – бросает Андрей взгляд на Кристину.

Я уверена, потом буду выслушивать от нее бредни о том, что ей не нужна помощь, но я думаю, наоборот – нужна. У

нее маниакальная боязнь быть кому-то обязанной, но ведь мы это не кто-то.

В любом случае все мое внимание сконцентрировано на тихом разговоре между отцом и лучшим другом моего брата.

Мне хочется выплюнуть свой ужин на тарелку, потому что еда просится обратно.

Они говорят о Лондоне и о том, что у отца там есть знакомые. Разумеется, знакомые у него есть даже в Бангладеше, но выворачивает меня не от этого, а от того, что, в отличие от моей подруги, Градский эту помощь с удовольствием принимает.

Салатный лист у меня во рту становится картонным. С трудом проталкиваю его внутрь не жуя.

Ужин превращается для меня в пытку.

Наплевав на свою хроническую неспособность смотреть Владу в глаза, поворачиваю голову и спрашиваю:

– Ты переезжаешь?

Он смотрит на меня. Мажет взглядом по моим глазам. Я не отрываю их от его лица. На секунду опускает взгляд на мои губы, которые я терзаю зубами. На его лбу волнами собрались морщинки, потому что брови чуть сдвинуты.

Как же ему идет эта чертова белая рубашка!

– Рассматриваю такой вариант. – Отвернувшись, отпивает из своего стакана и напрягает губы, когда виски обжигает его язык.

– Когда? – Сжимаю пальцами свои приборы.

– Пока не знаю, – пожимает плечом. – Зависит от многих обстоятельств.

Многих обстоятельств. Очевидно, все уже решено!

– Там есть что-то, чего нет здесь? – продолжаю доставать его своими вопросами.

– Мир вообще большой шарик, – говорит Градский. – И он вращается. Я не люблю сидеть на месте.

– Активная позиция, – присоединяется папа. – Я давно предлагал Арине учебу в Германии. Но она папина домашняя девочка, – смотрит на меня с улыбкой.

И хотя это чистая правда, я вдруг чувствую потребность защищаться!

– Это что, плохо? – выпаливаю, заставляя всех за столом умолкнуть.

– Отец не это имел в виду... – удивляется мама.

– Извините... – бормочу, глядя сквозь свой бокал в никуда.

Градский уедет. Вопрос времени. Я почти уверена, что он выберет именно этот путь. А я... а я... так и останусь для него младшей сестрой его друга.

От последних «новостей» у меня на душе скребут кошки. Их когти до боли впиваются в мою душу, когда официант приносит счет. Градский берется оплатить его в качестве жеста доброй воли и уважения, и мне ничего не остается, кроме как покинуть ресторан вместе со всеми.

Он приехал на своем «БМВ». Машина припаркована пря-

мо у входа, но Влад явно не планировал сегодня возвращаться за руль, иначе не выпил бы за ужином две порции крепкого алкоголя.

Придержав дверь для мамы, а потом для Крис, Андрей выходит на улицу вслед за ней и обращается к своему другу:

– Какие планы?

– Да, в общем-то, никаких, – отвечает тот. – А у вас? – переводит глаза с Андрея на меня.

На моем лице должна быть вселенская печаль, но усилием воли я придаю ему отсутствующий вид.

– Тоже, – смотрю на него искоса и пожимаю плечами.

По голой спине бегают мурашки, потому что эта неделя дождливая, а кофточку я с собой не взяла. Я не планировала гулять по улице, тем более в этих шпильках.

– Мы не собираемся ложиться спать, – подает голос Крис.

– Ну че, – Андрей смотрит на часы и обводит взглядом всех присутствующих. – Тогда предлагаю прогуляться до «Джекпота», – выбирает он бар, который находится через пару кварталов отсюда.

– На нас не рассчитывайте, – хмыкает мама. – Мы поедем домой и...

– Не продолжай, – скалится мой брат, напоминая о том, что сегодня она помолодела на двадцать лет.

Мама хлопает его по плечу своей сумочкой, а Андрей отдает отцу брелок сигнализации от своей машины, предупреждая:

– Завтра заберу.

Градский пожимает руку отцу и позволяет маме поцеловать свою щеку, а потом ведет плечами и сбрасывает с них пиджак, для того чтобы через секунду набросить его на мои озябшие плечи.

Согретая его телом ткань вместе с терпким запахом выбивает из меня тихий вздох. Не могу вымолвить даже элементарного спасибо, заворачиваясь в пиджак.

– Пошли, – выставляет для меня локоть Андрей.

Глава 7

– Оставь себе, – Крис смотрит через зеркало на черный брендовый пиджак у меня в руках. – Он про него уже забыл.

Мы в туалете «Джекпота». Тусклые лампочки освещают моё отражение.

– Может, и оставлю. – Подношу к носу шелковую подкладку и вжимаюсь в нее лицом.

Делаю долгий вдох, запоминая запах и свои ощущения.

Это просто кусок ткани, и она не заменит живого человеческого тела – вывод, к которому прихожу с полным пониманием, что сегодня вечером мое тело просто жаждет и горит познать на практике все те вещи, о которых я мечтала ночами.

Изнутри меня разъедает желание все это испытать в реальности. Прикосновения, ощущения, поцелуи! Может быть, даже секс...

Я могу взять что-то у него на память...

Это все из-за вина.

После прогулки по улице алкоголь не выветрился из меня, а стал коварно и ненавязчиво туманить мозги.

Аккуратно складываю пиджак на краю столешницы умывальника и, плюнув на любые приличия, изворачиваюсь, освобождая свою грудь под платьем от силиконовых накладок. От них зудит и потеет кожа.

Крис тщательно моет руки, задумчиво глядя на себя в зеркало. Она обновила помаду и прошлась матирующей салфеткой по лицу. Мне бы тоже не мешало.

Отправляю накладки в мусорное ведро и присоединяюсь к подруге. Мою руки, глядя на свое отражение. Я чувствую возбуждение и раздрай. Все это вместе плюс вино делают мои щеки малиновыми. Не нужны никакие румяна.

Мы с Крис выходим из уборной и поднимаемся по лестнице в бар. Он полный, как и любое заведение в этой части города в это время суток и в этот день недели. На сцене в углу музыканты играют старые бессмертные американские рок-хиты, и у них до фига благодарных слушателей.

Мне нравится атмосфера таких мест, хотя в подобных заведениях я была всего пару раз, и то в более светлое время суток.

Ориентируюсь на две мужских спины у бара, которые выделяются в толпе ослепительно белыми рубашками. Глаза падают на подтянутую спортивную задницу Градского в строгих брюках. Они с Андреем почти одного роста, но Влад более жилистый и гибкий. Его плечи и бедра создают идеальный мужской треугольник, и эта одежда в три десятка раз усиливает эффект, подчеркивая то, что он не меньше трех раз в неделю бывает в спортзале.

– Люди подумают, что они наши папики, – цокает за моей спиной Крис.

Смеюсь.

Это не так. Они старше всего на пять лет...

Несмотря на толкучку у бара, они заняли для нас стулья.

Вешаю пиджак на спинку того, который справа от Градского, и забираюсь на высокий табурет, оказываясь с Владом «одного роста».

– Спасибо, – благодарю его за пиджак, замечая, что на его щеках пробивается вечерняя щетина.

– Не за что. – Трет ладонью шею, осматриваясь вокруг, а потом кладет ладонь в карман своих брюк.

Ресницы вокруг его серых глаз непозволительно густые и длинные, веки кажутся тяжелыми.

Наши лица на одном уровне, и, чтобы не вляпаться в его глаза на долбанных полчаса, я смотрю на стойку, за которой бармен под руководством моего брата разливает по шотам какую-то бурду.

– Я не пила ничего крепче вина... – говорю всем.

– Со мной можно, – мой брат хлопает в ладоши, как злой гений. – Поджигайте, – тычет пальцем в шоты.

– Это же не опасно для жизни? – смотрю на сизый огонь над коктейлями.

– Примерно так же, как секс без любви, – усмехается Градский рядом с моим ухом.

Повернув голову, сталкиваюсь глазами с его насмешливым взглядом.

На его губах блуждающая улыбка, но она не для меня. Просто он расслаблен и, судя по всему, в приятном настро-

ении.

Чего не скажешь обо мне!

Я все-таки вляпалась в его глаза, на пару секунд забыв, кто я и как меня зовут.

– Ты что, хочешь, чтобы я на столе танцевала?! – слышу возглас Крис.

Перевожу на нее глаза, стряхивая свое наваждение.

– Я думал, тебе для этого «заправка» не нужна, – троллит ее Андрей.

– Зря ты так думал...

– Пьешь или нет?

– Пью... – вскидывает Крис подбородок, заставляя моего брата издать смешок.

Сделав глубокий вдох, я позволяю ему втолкнуть между своих пальцев пылающий шот.

– За космонавтику, – сухо объявляет он.

Мы с Крис смеемся. Влад подносит ко рту собственный шот и, откинув голову, опрокидывает его в себя, после чего тянет руку и берет следующий. Прежде чем его прикончить, смотрит на меня и говорит:

– За Шопена.

Я кусаю изнутри щеку...

Зажмуриваюсь и вливаю в себя полыхающую жизкость, собираясь как минимум умереть от ожогов внутренних органов и от того, что Градский запомнил мою партию!

– Что это? – сиплю.

– Абсент, – сообщает он, прежде чем опрокинуть третий шот.

Кто-то собирается надраться?

Я делаю то же самое, успевая услышать предупреждение брата:

– Притормози...

Уже поздно тормозить. Я понимаю это, когда голова разом становится пустой, а тело легким.

Мне хочется танцевать.

Я хохочу, когда вижу, как Крис принимается ощупывать голову Андрея, собираясь по форме его черепа выяснить, не отдохнула ли на нем эволюция. Вместо того чтобы лениво от нее отмахнуться, мой брат позволяет себя исследовать.

– Как, говоришь, эта наука называется? – интересуется, прикрыв глаза.

– Ты все равно не запомнишь... – фыркает Крис. – У тебя плоховато развита мозжечковая область...

– У меня с памятью отлично. Я не помню, чтобы разрешал тебе так с собой разговаривать.

– Я со всеми разговариваю одинаково...

– М-м-м-м, – стонет Андрей, когда Крис надавливает большими пальцами на его виски. – Я беру тебя к себе в офис. Если будешь делать мне эту фигню на обеде, буду даже платить.

– Это не массаж!

– Насрать...

Я не могу воспринимать их диалог всерьез даже несмотря на то, что на лице Крис странное выражение. Она кусает губу, рассеянно глядя на склоненную перед ней голову моего брата.

Запустив руку в свои волосы, достаю из них шпильки, одну за другой. Трясу головой, заставляя пряди рассыпаться по плечам, и ерошу их пальцами.

Градский перехватывает мою руку, когда тянусь за следующей рюмкой к ряду шотов, которые бармен предусмотрительно обновил уже в третий раз.

Теплые пальцы окружают мое запястье. Сдавливают еле-еле, но мой пульс все равно взрывается.

– Баста, – сопровождает он свой захват пояснениями.

– Ты выпил в четыре раза больше!

– Я и тяжелее тебя раза в два.

Прикусив губу, сползаю глазами вниз по его торсу, обводя ими каждый выступ на груди и в районе ребер. Его ответный взгляд задевает мою грудь. Только на секунду, но я понимаю, что теперь он тоже в курсе того, как в данную минуту ведут себя мои соски. Они затвердели. И стали очень чувствительными.

– Хочу танцевать... – говорю хрипло. Пошатнувшись, хватаюсь за плечо Влада. – Блин... – Соскальзываю со стула, чувствуя, как вспыхнули напряжением его мышцы под моими пальцами.

Мне под кожу будто вживили чип. Я всё ощущаю острее.

Его близость. Кажется, даже его запах.

Он поворачивается спиной к барной стойке и принимает-ся наблюдать за тем, как я поднимаю вверх руки и плавно покачиваюсь. Интуитивно попадаю в такт музыке, потому что у меня идеальный слух...

Мелодия совсем не та, под которую можно медленно и соблазнительно двигаться, но сейчас мне хочется именно этого. Никаких резких движений.

Прикрываю глаза, смачивая губы языком.

Я танцую для него. Понятно ему это или нет, мне плевать. Подавшись вперед, хватаю его за запястье и тащу за собой.

Мы оказываемся в толпе, среди посторонних танцующих людей.

Кладу ладони Градского себе на талию, а свои руки забрасываю ему на шею, плотно прижимаясь грудью к его торсу и вздрагивая от этого соприкосновения всем телом.

Он не сопротивляется, но и не помогает.

Просто не двигается, застыв передо мной как статуя.

– Арина... – звучит как тихое предупреждение.

– Танцуй!

Я начинаю раскачивать нас из стороны в сторону, соприкасаясь своими бедрами с твердыми мужскими бедрами, и от этого между моих ног простреливает тягучий спазм.

Сжав мою руку чуть повыше локтя, Влад смотрит мне в лицо, упорно не желая двигаться вместе со мной.

– Ты что, танцевать не умеешь? – смотрю на него испод-

лобья.

Мои пальцы гладят его затылок. Зарываются в короткие мягкие волосы.

Он не идиот. Он не может не понимать, что я такое творю! Несмотря на свою парализацию, он меня не останавливает. Даже впившись пальцами в мою руку, он не отталкивает меня.

– Я недостаточно пьян для танцев...

– А ты расслабься... я тебя не съем... – шепчу доверительно.

Мне хочется ткнуться носом в его шею. Может, я так и сделаю. Я достаточно пьяная для таких глупостей. Ткнушь и прикушу теплую кожу. Лизну. Попробую ее на вкус.

Подняв голову, смотрю на его губы.

На вид они твердые. Я не знаю, какие они на ощупь, но до боли внизу живота хочу узнать. Они так близко. Чуть при-встать на носочки и податься вперед...

– Что ты творишь, Ариша? – спрашивает твердо.

Если он и был пьян, то прекрасно с этим справился, в отличие от меня.

– Я согласна на секс без любви... С тобой.

– Ты ебанулась? – Влад смотрит выше моей головы, куда-то за спину.

Туда, где мы оставили моего брата и мою подругу.

– Фу, как грубо... – Все же припадаю носом к его шее.

Вдыхаю уникальный запах его кожи, а когда снова смотрю

на Влада, в его глазах появляется опасный блеск.

Он сильнее стискивает мое плечо. Его кадык дергается.

Сняв руки с его шеи, обнимаю гибкий торс, прижимаясь к нему всем телом.

Это потрясающе, черт возьми.

Градский глазами буравит в моем лбу дыру, пока я поглаживаю раскрытыми ладонями напряженные мышцы его спины. От ощущений меня разрывает на части. Мои эмоции пребывают в бардаке. Мне страшно. Адреналин и близость Влада кружат голову. Мне хорошо. По этим же причинам.

Его пальцы, которые секунду назад задевали голую кожу моей спины, сгребают в кулак платье у меня на талии.

Я не могу смотреть ему в глаза!

Я не могу нормально дышать, потому что животом чувствую пульсацию и твердость у него в паху, и от этого у меня на висках проступает испарина.

– Арина, ты пьяная, – говорит рядом с моим виском, задевая его губами и своим горячим дыханием. – И я тоже пьяный. Я сейчас тебя отпущу, и ты от меня отойдешь. Три, два... – Убирает от меня руки.

Меня топит разочарование. И злость. У него эрекция, господи!

– Что будет, когда закончится обратный отсчет?

– Ни хрена хорошего для нас обоих. Отойди.

Я боюсь и нет. Это как сунуть руку в ловушку и не знать, откусят ее или нет. Но упрямая жестокость в его глазах гасит

все мои порывы разом.

Чувствую себя неуверенно.

Отскакиваю, когда на мои плечи ложатся прохладные ладони Крис и её звонкий голос объявляет:

– Я заказала нашу песню! – И добавляет шепотом: – Пошли...

Глава 8

Гитарные басы молотят эхом по моим ушам, даже когда садимся в машину такси.

Я падаю на заднее сиденье рядом с Крис, а мой брат садится вперед, рядом с водителем.

Перед глазами кусками пляшут картинки. Разные лица, дергающиеся в танце тела... Я не должна была столько пить, но ведь сегодня мой день. Мой!

Я чувствую потребность выключиться прямо здесь, в машине, но даже под действием абсента я понимаю, что не могу явиться домой в таком состоянии. Лучше спать на улице, чем позволить родителям увидеть себя растрепанной, пьяной и внутренне озабоченной.

Что с моим телом?! Я будто надкусила запретный плод, и он оказался... наркотиком...

Нажав на кнопку, опускаю стекло на своем окне и глотаю свежий ночной воздух. В нем отлично ощущается запах дождя, даже несмотря на примесь выхлопных газов.

Мои веки тяжелые...

– Адрес? – Андрей смотрит на Крис через плечо. – Добавлю остановку.

Его волосы всклокочены после «массажа», и, судя по голосу, он тоже не против отключиться, поэтому я вправляю ему мозги сама.

– Обалдел? – отрываю язык от сухого неба. – Ее не пустят в общежитие в три часа ночи!

– Тогда отвезу вас обоих на Площадь, – имеет он в виду адрес родительского дома, в котором сам не живет с тех пор, как закончил университет.

– Я не поеду... – тихо стонет Кристина, сползая по сиденью и подтягивая к груди колени босых ног.

Я тоже мечтаю разуться, но не уверена, что потом смогу надеть свои туфли.

– Мы переночуем у тебя! – Пихаю ногой спинку его кресла. – Ляжем в спальне, а ты на диване.

– Класс, – резюмирует Андрей. – Ладно. Едем, – сдается и трет ладонями лицо.

– Так куда едем-то? – теряет терпение таксист.

Андрей меняет конечную точку нашей поездки, указав адрес своей квартиры, а я прикрываю глаза и погружаюсь в пучину своих разбегающихся мыслей.

Мне не стыдно. Нет!

Прокручиваю в голове каждое касание и каждое шевеление воздуха в тот момент, когда между мной и Градским было расстояние уже, чем ширина спичечной коробки, или не было вообще.

Может, он и не единственный мужчина в Москве, но я никогда не встречала другого такого, к которому бы меня тянуло вот так – даже с закрытыми глазами. Даже на расстоянии.

Он просто взял и ушел, пока мы с Крис покоряли танц-

пол. Даже не попрощался. Его пиджак так и остался висеть на спинке моего стула, а теперь лежит у меня на коленях, свернутый в аккуратный квадрат.

Расплакаться было бы отличным выходом для всех моих эмоций. Нет. Рыдать в голос, потому что, когда я поняла, что Влад ушел, интерес к бару, танцам и всему прочему у меня в ту же секунду умер. Это отвратительное чувство, но я с ним давно знакома. Наверное, я могла бы описать его музыкой: бессмысленный асинхронный перебор всех нот подряд. Именно это мне хочется творить, когда дело касается Градского. Творить всякую дичь...

По крайней мере, я тоже оставила ему подарок. Он испарился, прихватив с собой свою чертову эрекцию.

Это самая будоражащая тайна за всю мою почти двадцатилетнюю жизнь. Эрекция Градского, упирающаяся мне в живот.

Он хотел меня.

Мое удовлетворение гаснет в ту же секунду, как понимаю, что после своей выходки я не увижу Градского очень-очень долго. От этого мне дурно.

Я проваливаюсь в свои мысли так глубоко, что в какой-то момент они, кажется, становятся сном, но потом машина тормозит, и этот толчок выбрасывает меня в реальность.

В квартире Андрея прохладно и темно. Он включает тусклую верхнюю подсветку по периметру коридора и широко зеваает, прислонившись плечом к дверному косяку. Вальяж-

но расстегивает манжеты своей рубашки, пока мы с Крис цепляемся за стены и хихикаем, пытаясь избавиться от обуви.

Она осматривается, заглядывая в глубь квартиры. Изучает стены коридора, обвешанные разным коллекционным барахлом, которое мой брат собирал по всему миру в своих путешествиях.

– Это древнее порно? – Крис тычет пальцем в деревянные фигурки двух спаривающихся слонов, прибитые к стене.

– Это народное балийское зодчество, – проходит мимо нас Андрей. – Чистые футболки в комод, – бросает через плечо. – Вода на верхней полке в холодильнике. Аспирин в аптечке. И не высовывайтесь из комнаты до десяти утра. Дайте поспать.

– Ты мог и не просить об этом...

В ванной я не вижу никаких признаков присутствия Стаси. В любом случае моя голова слишком тяжелая, чтобы думать о чем-то, кроме того, как раздеться и рухнуть наконец в постель.

Стащив с себя платье, быстро надеваю огромную футболку брата и забираюсь под одеяло, чувствуя, как гладкое постельное белье холодит кожу. Примяв щекой подушку, наблюдаю за тем, как Кристина пошатываясь заходит в комнату и расчесывает волосы пальцами.

– Я приму душ... – говорит еле слышно. – Я не могу спать грязная...

– Как хочешь, – шепчу, глядя в незашторенное окно от пола до потолка.

– Ты как, Арина? – Крис трогает меня за плечо. – Ты его что, лапала? Вас чуть Андрей не спалил.

– Давай не сегодня... – прошу ее тихо.

Я проваливаюсь в сон, как только эти слова вылетают из моего рта.

Меня будит жажда. Ощущение, словно во рту пустыня Гоби и я не видела воды дней десять. Я не хочу умирать от обезвоживания, поэтому трясую головой и опускаю ноги на холодный паркет. На ощупь добираюсь до кухни и задеваю ногой стоящую у стены банкетку.

– Ай... – вою в полутьме. – Твою мать!

Коридор освещает только тонкая полоска света из-под двери ванной. Иду к ней, прихрамывая, топя босыми пятками по полу.

– Крис? – стучу по двери пальцами. – Ты там? Все в нормально?

Я слышу возню и хриплое:

– Да-а-а... я... в туалете...

– Я за водой. Тебе налить?

– Д... да.

– Тебе плохо? – Дергаю дверную ручку вниз.

– Нормально! Сейчас приду!

– Ладно... – бормочу, направляясь на кухню.

Нырнув в холодильник, достаю с верхней полки малень-

кую бутылку воды. Она холодная, и я пью ее, захлебываясь, а когда возвращаюсь в постель, та все еще пуста. Почти отключившись снова, я понимаю, что Андрея на диване в гостиной тоже не было.

Глава 9

Неделю спустя

«Привет, я тебя нашел», – читаю сообщение в директе своей соцсети.

На аватарке отправителя знакомое лицо. Это хорист. Тот самый, с юбилейного концерта на прошлой неделе.

«Привет», – пишу ему в ответ.

«У меня билеты на выставку стрит-арта, хочешь сходить?» – зовет он меня на свидание.

Вот так сразу?

Все мои свидания, как правило, заканчиваются ничем. Только пару-тройку раз я позволила закончить их поцелуями. Было приятно, но я тормозила задолго до того, как парни начинали распускать руки.

Я не собиралась беречь себя для Градского, я просто не хотела этого с теми парнями... Желание узнать, что значит почувствовать на себе мужские руки, каждый раз боролось во мне с глубоким внутренним сопротивлением, которое не давало расслабиться и получать это пресловутое удовольствие.

Очевидно, я устроена так, что могу получать удовольствие только одновременно и телом, и головой.

Может, это лечится?

Пф-ф-ф...

«Уехала за город. Может, в другой раз», – быстро строчу в ответ.

Никнейм парня не дает никаких подсказок по поводу имени, а сама я его вспомнить не могу. Будто мне ластиком на чисто стерли этот участок памяти.

– Видел твой концерт в сети, – отвлекает меня Егор.

Он сидит за рулем своего внедорожника рядом со мной. На нем майка с глухим горлом без рукавов, и его бицепсы выглядят особенно впечатляющими.

Повернув голову, я ловлю его взгляд на дисплее своего телефона, а потом и на своих голых коленях. Блокирую экран, не прочитав ответ на последнее сообщение, и убираю гаджет в карман сарафана.

– Он был не «мой», – имею в виду концерт. – Общий. Коллективная работа.

– А, ну да, – отзывается Егор. – Но я в любом случае посмотрел только твоё выступление.

– Не люблю смотреть на себя в записи... – делюсь с ним.

– Зря. Ты очень красивая.

Комплимент вызывает легкий прилив стеснения, потому что взгляд Рязанцева за этот короткий миг успевает коснуться моей груди в вырезе летнего сарафана, потом плеч и только после этого – лица. Но уже в следующую секунду Егор опускает на глаза солнечные очки и отворачивается.

– Спасибо, – бормочу, глядя в окно на стык яркого голу-

бого неба и ровного полотна дороги.

На небе ни облачка. Асфальт плавится на солнце, за бортом почти тридцать градусов жары.

– Заскочим на заправку.

Машина принимает правее, а я зависаю с ответом. Осязаемый интерес Рязанцева заставляет меня тормозить. Я знаю его не так давно, может быть, пару лет, до этого нам не приходилось пересекаться, но он, кажется, никогда не смотрел на меня вот так...

– Угу... – опускаю глаза и чешу за ухом Бенью, бульдога своих родителей. – Купишь нам воды? – делаю самый неприличный голос на свете.

Несчастливая морда Бени лежит на моей коленке. Он тяжело дышит, даже несмотря на то, что салон машины комфортно охлажден. Здесь не жарко и не холодно. В окно бьет солнце, от которого мое лицо спасает козырек бейсболки. Я прячусь за ним, пока Егор выбирается из машины.

Мой брат решил провести выходные на родительской даче вместе с друзьями.

Мама с папой на выходные улетели в Стамбул, так что мне пришлось взять собаку с собой. Я почти силой выволакивала ее из дома, потому что, в отличие от меня, выходные за городом Бенью не радуют, он предпочел бы целый день проспять на ковре перед телевизором, вместо того чтобы тащиться куда-то вместе со мной.

Час потолкавшись в пробках, мы добираемся до посел-

ка, в котором пятнадцать лет назад мои родители приобрели дом. В гараже и на парковке три машины, и ни одна из них не похожа на темно-синий «БМВ», который я так надеялась увидеть...

Мое настроение реагирует мгновенным падением, но мне ничего не остается, кроме как проглотить свое разочарование вместе со своими надеждами.

Выйдя из машины, достаю из салона Беню, который с нулевым энтузиазмом осматривается по сторонам.

– Привет! – Андрей появляется из открытого гаража и жмет руку Егору.

– Здорово... – отвечает тот. – Как сам?

– Говённо. Контракт с финнами третий раз срывается.

– Что же ты ломаешься, финская красавица... – посмеивается Рязанцев.

– Да уж почти дала, – хмыкает брат. – Но, видать, кольца ждет.

Хлопаю дверью, показывая свое отношение к этим метафорам.

На моем брате шорты и кроссовки на босу ногу, на голове модная панاما кислотного цвета. Засунув руки в карманы, он сверкает загорелыми кубиками пресса и направляется ко мне.

Егор открывает багажник и принимается доставать оттуда ящики с продуктами, выставляя их на газон рядом с живой изгородью, которая защищает наш участок от посторонних

глаз вместо забора. В нашем коттеджном сообществе заборы запрещены уставом, так что здесь все участки максимально слиты с природой. Я люблю нашу дачу даже зимой.

– Ты одна? – Андрей бросает взгляд в салон через стекла своих авиаторов, обходя машину.

– Нет, со мной национальное достояние Великобритании, – сообщаю я.

– А... – Трет пальцем кончик носа. – А твоя подруга?

– У нее дела. А что? – спрашиваю рассеянно.

Я и сама Крис неделю не видела. После нашего совместного вечера я проснулась почти в полдень, к тому времени Кристина уже уехала, даже не разбудив меня. Мне было кошмарно плохо. Я почти не помню, как мы вернулись домой. Эту часть памяти у меня тоже стерло ластиком. Начисто.

– Привет, старина! – Присев на корточки, Андрей треплет Беню по голове. – Жарко тебе? Жарко, знаю...

– Я свожу его на озеро, – вздыхаю. – Так и быть.

– Добрая... – тянет брат, вставая.

– С тебя рыба на углях!

– Договорились! – Шлепает своей ладонью по моей.

Подхватив один из ящиков, Андрей идет в дом вслед за Егором, который тоже прихватил с собой ящик.

Примерно впервые в жизни я смотрю на Рязанцева другими глазами.

Оценивая?

Может быть...

Он широкий в плечах и... немного грузный из-за всех этих мышц. Это не в моем вкусе. Я предпочитаю, чтобы в мужчине было на пару десятков килограмм меньше. Чтобы мышцы его тела находились в идеальной гармонии со всем остальным. Прямо как у Градского, черт его возьми.

У Егора свой бизнес, что-то связанное со строительством, но я никогда не интересовалась, каким именно... Я вообще друзьями брата никогда не интересовалась. Кроме одного.

Дергаю поводок, заставляя Беню идти за собой. Он делает пару попыток сопротивляться, но безуспешно.

– Идем-идем. Я дам тебе косточку. – Стираю со лба пот, убираясь подальше от солнца.

Во дворе, в зоне барбекю, на шезлонгах тусуется народ. Три парня и одна девушка. Я их знаю, но не очень близко.

Взмахнув рукой, прохожу мимо.

На кухне Стася. В коротких джинсовых шортах и желтом бикини на завязках. Она режет грудку апельсина для лимонада и громко чихает, поглощенная процессом.

Это вроде как моя кухня, но я чувствую себя гостем. Я не имею права возмущаться. Я не собиралась ехать. Вернее, я раз пятьсот собиралась, а потом нет. Это было глупо, ведь я знала, что все равно поеду. Я всегда выбираю возможность ЕГО увидеть, вместо решения его НЕ ВИДЕТЬ.

– Будь здорова, – говорю, обозначая свое присутствие.

– Арина! – Кидает нож и летит обниматься. – Привет! Андрей сказал, ты не приедешь...

Беня протестующе фыркает, ему чуть не отдавили лапы.

– Это что за порода? – бросает Стася взгляд на нашего пса.

– Это английский бульдог...

– О, ясно... – переводит на меня глаза.

– Тебе помочь? – осматриваю кухню.

– Да! Можешь помыть овощи? Они для гриля...

Отстегнув поводок, позволяю Бене упасть на кафельный пол посреди комнаты.

Мытье овощей выливается в нарезку салата и подготовку ингредиентов для бургеров, но я не самый расторопный повар, поэтому на это уходит много времени. Стася тактично не замечает моих заторможенных ковыряний в салатных листьях и бургерных котлетах. Она болтает. О своей любви к готовке, спорту и путешествиям. Мне трудно поддерживать разговор, потому что ни к чему из этого у меня самой нет выдающихся пристрастий.

– У Андрея были до меня серьезные отношения? – вдруг меняет тему Стася.

Честно говоря, я не считаю их отношения с Андреем серьезными. Она красивая, может быть, немного неестественная рядом с ним, будто все время пытается ему угодить и понравиться. Но, даже несмотря на это, мне неловко ее расстраивать.

Утащив немного нарезанного соломкой огурца, медленно жую и, вернув глаза к разделочной доске, отвечаю:

– Кажется, нет. Он давно с нами не живет.

Надеюсь, это дает понять, что я не стояла со свечкой у его постели.

– Давно? Это сколько? – уточняет Стася.

– Почти четыре года, – отвечаю, испытывая желание уйти куда-нибудь от разговора о своем брате.

Это моя естественная реакция еще со школы.

– У тебя на следующей неделе день рождения?

– Эм... да...

– Празднуете с родителями? – она смотрит на меня с улыбкой, но выражение ее глаз кажется цепким и... холодным.

– Скорее всего...

– Какие планы? Семейный ужин?

Мне неловко говорить об этом, ведь ее, очевидно, никто не приглашал. От ответа меня спасает скулеж Бени.

– Налью ему воды... – бормочу, ища его миски в нижнем шкафу рядом с холодильником.

Пока он пьет, я скрываюсь в туалете, а когда возвращаюсь, Стаси на кухне уже нет. Прицепив к ошейнику поводок, тащу Беню через дом к задней двери и по тропинке через сад выхожу за пределы нашего участка.

До озера две минуты.

Я отпускаю Беню на все четыре стороны, когда оказываемся у воды. Узкая полоска песка на пляже раскаленная и безлюдная. Бенья бросается в воду даже раньше меня. Я оставила телефон на кухне, поэтому не знаю, сколько времени

МЫ С НИМ КУПАЕМСЯ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.